

ЛЕВ ЗИЛОВ

МИЛЛИОННЫЙ ЛЕНИН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1926

НОВАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
МЛАДШИЙ И СРЕДНИЙ ВОЗРАСТ

ЛЕВ ЗИЛОВ

МИЛЛИОННЫЙ ЛЕНИН

КАРТИНКИ
Б. ПОКРОВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1926 ★ ЛЕНИНГРАД

I. НАТУ С ТУМАЕМ

В местах, которые мы видели
только в книжках,—
в знойной Калькутте, в Индии,
жили двое мальчишек.

Ну, такие ребята бедовые,
никакого нет сладу!

Шныряли по улицам города,
пслучая щелчки в награду;
все торговки их знали,
и все кондуктора на трамвае.
Одного Нату звали,
а другого Тумаем.

Проводили они ночь, где попало,
питались всем, что ухватят,
но одеты были, как полагалось,
в чалмы и в халаты.
Когда где-нибудь пахло скандалом
или на заводе бывала стачка,
только их не доставало
в придачу:
кидаться камнями в жандармов,
наваливать поперек улиц баррикады —
это был для них такой праздник,
что лучше не надо.

II. БУНТ

Приятели у них было много,
особенно один грузчик,
прикрытый рванью убогой,
но богатырь сущий.
Были у него вечные стычки
с управляющим складов
от скверной привычки
не ждать, а требовать платы.

Раз как-то случилось,
что не выдали сполна за работу,
в гавани каша заварилась,
грузчики ворвались в контору.
Разбили стекла в окошках,
разнесли шкафы и телефоны
и требовали хозяев на площадь
собственной персоной.
Впрочем, кое-кто из рабочих,
а с ними и ребята, признаться,
кричали, что гораздо короче
прикончить всех тунеядцев.
На рынке, в золоте вечера,

красный шарф завился, как знамя;
шли хозяев искать, а навстречу
прискакали жандармы.
— Бей их! — крикнул богатырь-грузчик.
— Бей их! — повторили Нату с Тумаем.
Полетели камни, щебень и всякий мусор,
крикнули жандармы: — Стреляем! —
Оказалось трех залпов довольно:
бросились все, куда попало,
и остались на земле двое —
грузчик и еще один малый.

III. СКАЗАНИЕ О ЛЕНИНЕ

Сразу тут всякого народа
набилось на рынке темном
из гавани и с заводов
пестрым комом.
Окружили убитых с криком и гамом,
и какой-то нищий
запел не о Будде и Бrame,
а о ком-то гораздо выше.
„Далёко-далёко,
у северных пределов Белайта,
где холод жестокий,
где моря и реки льдом сжаты,
где огонь день и ночь змеится
неугасимый,
откуда бегут звери, летят птицы
туда, где теплые зимы, —
в стране, осыпанной снегом белым,
как бумагой хлопчатой,

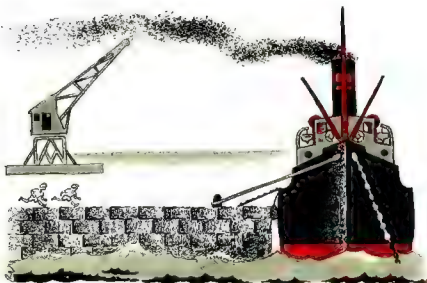

стали рабочие люди безумно смелы
и пошли войной на богатых.
Отняли у них землю и заводы,
отняли всю власть и все деньги
и на восток и на юг несут свободу,
и ведет их Ленин.
Он такой же, как этот,
как этот грузчик убитый,
для него нет желтых и белых,
а только голодный и сытый.
С Лениным полмиллиона,
таких же, как он, смелых —
в их руках свободы оборона,
в их руках рабочее дело.

Бегите — бегите
туда, в царство льда и ночи!
Ведите — ведите
на помощь войска рабочих.
Придут они скоро-скоро,
мы их восстаньем встретим,
нам терять только голод
да цепи!“

IV. В СТРАНУ ЛЬДА И НОЧИ

Закричали Нату с Тумаем:
— Мы пойдем сквозь и ночь и по льдинам,
Только дороги не знаем...
Расскажи, где его найти нам!
Отвечал им нищий: — Пароходом
вплоть до Порт-Саида океаном.
Там битком набито народа,
и оттуда пути во все страны.
Там спросите у нашего брата, —
мы обходим весь мир, как тени, —
как добраться вам до Белайта,
где Ленин. —
Ничего не сказал больше нищий,
но вокруг закипела площадь;
город стал тесней и ниже крыши,
а жизнь — проще.
Поняли все, что Нату с Тумаем
умней старших:
оттого бедняки и страдают,
что над ними купцы и раджи.
Но никому не пришло в голову,

что может быть близкой свобода,—
а ребята неслись уже к молу,
где готовились в путь пароходы.

У. ПЛЫВУТ

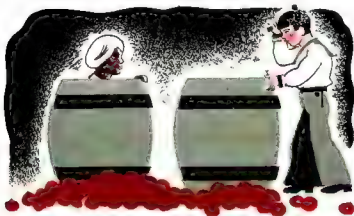
Юркнули в трюм
и за бочки забились.
Сказал пароход „гум“,
содрогнулось нутро, поплыли.
Время шло долго и мучительно.
Мотало их штормом,
сражались с крысами отвратительными
из-за жизни и корма.
Раза два на якорь становились,
открывался трюм, и, как воры,

ребята и крысы
забивались в норы.
Энойный грозный и мгlistый
дышал океан лустынный.
Небо было безжалостно чисто,
день был длинный-длинный.
Но ребята в трюме
слышали только машину
да писк, да скрежет крысинный,
да с палубы крики и шумы.

VI. В ФРУКТОВЫХ БОЧКАХ

Наконец встали прочно.
Гремели, орали раскатисто.
Путь был кончен,
трюм опоражнивали начисто.
У лестниц поставили стражу,
положение было скверное:
можно было попасться сразу,
и избили бы их наверное.
Но и тут нашелся приятель,
пароходный юнга;
забегал он к ним на досуге
и был посвящен в их тайну.
Из фруктовых бочек
повыкидали они гранаты,
залезли, свернулись, и готово —
забил их юнга, как надо.

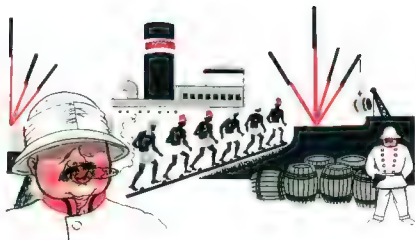
Грузчики не догадались нисколько,
что бочки весили вполовину;
подобрали гранаты и только,
да ругаясь подставили спины.
По ругани ребята почуяли,

что и здесь будет то же самое,
что и здесь работой измучены,
и вырвется бунт, как пламя.

VII. В КУТУЗКЕ

Под навес их свалили,
к вечеру было дело.
И ребята решили
действовать смело.
Шла посадка каких-то темнокожих,

гнали куда-нибудь на работы.
Мелькали полицейские рожки,
шла суматоха.
Только что ребята вылезли из засады
и хотели дать тягу,
как поймали их за шиворот сразу,
и попало беднягам.
Да мало еще, что попало,
впихнули их, как воришек, в кутузку,
где было народу немало:
сиди, пока разберутся.
Очутились они в казарме,
сбитой из глины;
на земле копошились, как в яме,
темные, голые спины.
„Что же“, — подумали ребята, —
по крайней мере под крышей.

Спросим, как добраться до Бelayта
и о ком говорил нищий“.

VIII. НОВЫЙ ЗНАКОМЕЦ

— Эй, откуда явились?—
их окликнули сразу: —

или рыбу в тюках ловили?—
Уставилась кровавая маска.
Была она сизо-багрова,
сочилась и вспухла;
осади́на шла через голову,
и было рассечено ухо.
Весь народ был избит без разбору —
вышло, должно быть, дело.
— В Калькутте разгромили контору,

стреляли, разогнали, влетело.
— Ленина надо сюда бы,—
ответил новый знакомец: —
трусливы мы все, как крабы,
никогда мы их так не слошим.—
— Ленин? Мы к Ленину едем,
мы ему обо всем расскажем.
Его здесь восстаньем встретят
и всех богатеев свяжут.
У него есть войска из рабочих,
таких же, как мы вот с вами...
Где, где страна льда и ночи,
покрытая вечно снегами?
Он живет там, мы знаем,
нам сказали в Калькутте, мы оттуда...
нас послали к нему с Тумаем,
и он у нас будет, будет!

IX. НА СВОБОДУ

Засмеялись страшные люди
да сказали:—Чего смеяться!
Пусть идут к нему эти ребята,
если уж нам не добраться.
Не смейтесь, не смейтесь:
разве нам те, кто в Белаите,
не братья?
И не братья нам эти дети?
Нам не братья владельцы наши,
нам не братья купцы и раджи,
нам роднее англичане солдаты,
чем весь род богатеев проклятых!
Все нас бьют и собаками травят

за то, что не белой масти,
только Ленин сказал, что мы вправе
уйти из-под ихней власти...
Здесь Порт-Саид, ребяташки.
Плывите в Константинополь...
Вон, в углу, лазейка подкопа,
выбирайтесь, и — крышка!

Х. В КАБАКЕ

Утекли ребята без спроса
и пошли таскаться по рынку.
В кабаке увидали матросов,
подошли к ним и стали хныкать:

— Надо нам в Константинополь,
у нас там папа и мама! —
— Врете, азиатские микробы;
говорите, что нужно, прямо.—
Рассказали Нату с Тумаем.
— Ишь, пострелята,
и они уж про Ленина знают...
Выпороть вас, ребята,
да к родителям представить.
Куда забрались, пойдя ты!
Или дом-то у вас в канаве
и с отцом да с матерью квиты?
Сами мы к Ленину трафим,
да вас-то куда нам нужно!
Ну, бегите за нами,
да только дружно!—

ХІ. НА „КАНОССЕ“

Вышли, а ночь, как чернила,
ничего-то не видно во мраке.
Только сирена вопила,
да колокол тренькал на баке.
Вызвали шлюпку матросы,
втащили ребят (вещи будто);
влезли на ют „Каноссы“,
и сволокли их в каюту.
Наверх они вышли уж в море,
и хоть за борт грозил кинуть боцман,
да вскоре
сам гонял на работы и вздорил
и таскал их за лохмы.

Бирюзовое море
с нарядными островами.
Уступы нагорий
с кружевами-лесами...
Соленый и теплый ветер,
солнце, качка, бескрайные воды...

Хорошо бы на белом свете
жить совершенно свободным.
Но капитан был зверский
и все начальство такое ж.
Кормили мерзко,
жалованье платили пустое.

Работой морили без меры,
донимали уборкой и ученьем,
драли, как изуверы,
свыше терпенья.
— Удрать бы с вами на север,—
говорили матросы ночью:—
туда, где Ленин,
где царство рабочих.—
Приплыли в Константинополь.
Говорят матросы:— Прощайте!

ХІІ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Вот вам и ваша Европа,
вот вы и в Белаите!
Тут уже близко,
как-нибудь проберетесь—

поклонитесь Ленину низко,
если найдете.—
По горе в садах громоздился город:
черепичные крыши, минаретов копы,
купола мечетей в зеленом уборе,
старинные башни, как надгробья.
Пошли ребята в Константинополь,
вышли на площадь скоро,

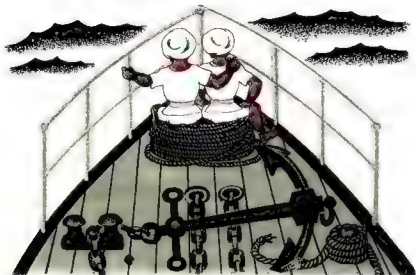
смотрят: валят толпы
и красные знамена в узорах.
Поют песню,
оружили фонтан, а над фонтаном
человек в феске
кричит гортанно...
А кругом теснят верховые,
разогнать хотят их должно-быть:
раздаются окрики злые,
на дыбы поднимается лошадь.
А народ кричит:—Ленин, Ленин...—
И выводят другого,
в синей блузе, постарше,
а народ не дает сказать слова,—
кричит и флагами машет.

ХIII. ЭТО НЕ ЛЕНИН

Говорит Нату: — Это — Ленин! —
И пустились к фонтану напором,
а там, на ступени,
один из матросов.
— Эй, куда вы без спросу!
Это не Ленин, а его товарищ...
Идемте со мной на „Каноссу“,
нас хотят в Одессу отправить.
Свезем уж вас, куда надо.—
Ну, и радость была ребятишкам!
Нет с ними сладу —
так и скачут вприпрыжку.

XIV. „В ТРЮМ, НЕГОДЯИ!“

На утро поплыли снова.
Прошли Босфором,
мимо садов, дворцов и всяких диковин
в Черное море.
Уселись ребята
на носу парохода проворно,
у якорей, на канаты,
и смотрят вперед упорно.
Опять слепящий блеск моря;
только оно здесь темнее,
только в его просторе
ветренней и холоднее.
Вдруг капитан: — Прочь отсюда!
В трюм, негодяи!

А ребята ему:—Оттуда
не увидишь Белайта.—
Пнул ногой их, как кошек,
полетели они друг за другом...
Да Нату как выхватит ножик,
в Тумай—топор в руки.
Горящими глазами, как тигрята,
впились в капитана.

— Стой, не дадим вас, ребята!—
закричала команда;
и скрутили капитана ремнями.
Прибежало начальство всем стадом,
револьверы затрещали хлопками,
но всех их смяли матросы,
сволокли в трюм, свободе не веря...
А в дали белесой
затемнел берег.

ХУ. КРАСНОЕ ЗНАМЯ

- Бelayт!—закричали ребята.
 - Мы близко, мы близко, Ленин!—
 - Давай свисток! Долой флаг проклятый!
 - красным заменим!
- Взвилась к мачте чья-то рубаха.

— Ура! — закричала команда.—
Довольно рабьего страха,
нам чужого начальства не надо!—
От города выбежал катер,
красным флажком играя.
Спрашивают:— Кто? отвечайте!—
— Свои!— Нату им с Тумаем.
С мостика ответили то же
и гости появились на юте—

совсем не похожи
на властей от Босфора до Калькутты,
а простые матросы.
Переводчик объяснил им все дело,
пароход в рейд вошел смело
и спустил якоря с кормы и с носа.

XVI. ЛЕНИН УМЕР

Кидался снежной крупой
пронзительный ветер,

мачты шатались толпою;
город гремел мостовою,
кутаясь в телеграфные сети.
Переправились ребята в город,
поручили их там комсомольцам.
Но вместо красных флагов висели черные,
креп обвинил и причальные кольца.
Когда спросили ребята,
что значит такая замена,
почему песни похожи на клятву —
им ответили: — Умер Ленин! —
Навстречу, как военные отряды,
шли рядами рабочие строго;
флагов поникли складки,
овевая печально дорогу.

XVII. ПЕПЕЛ ОТ СОЛНЦА

Значит, теперь не дожидаться,
помощи из Белайта!
Теперь, может статья,
и здесь станет хуже каземата?
Скуют цепями рабочих,
сорвут красные знамена,
и будет страна льда и ночи
страною рабства и стонов...
— Мы хотим хоть труп его видеть!
сказали они комсомольцам,—
пусть хоть пепел от солнца,
если самое солнце убито.—
— И мы едем тоже
с ним проститься...—

ответили белокожие,
и нахмурили лица.
— Мы возьмем вас с собою,
вы увидите все, что хотели.—
И труба затрубила к сбору,
барабаны затарахтели.
— Не тужите, ребята,—
нас все те же миллионы.
Смерть его не тревога набата
и не плач похоронный.
Смерть его, это — клич к сбору:
смыкайте ряды, смыкайте
по всему земному простору,
и у вас, и у нас, в Белайте!—

XVIII. ЧЕРНЫЙ ПУТЬ

На каждой станции, в каждом городе,
в каждом селе и деревне
сквозь поездной грохот
они слышали раскаты пенья.
Они видели толпы темные
с черными знаменами —
шли рабочие продымленные
колоннами;
шли дети и женщины,
пели медные трубы,
шли люди в рядах лоспешных,
сжимая горькие губы.
И чем дальше бежал их поезд,
чем дальше они слушали пенье,
они чуяли в пенье: „К бою!
Не умер, не умер Ленин.“

ХІХ. ПОЖАРИЩА

Ехали мимо пожарищ,
огороженных свежими столбами.
Длинные рабочие казармы
слабыми дышали дымками.
В многосветных новых строеньях
ухали и жужжали машины.

Груды песка и камня
поднимали из-под снега спины.

— Почему так много пожаров?—
спрашивали Нату с Тумаем.
— Богачи не отдали даром
то, что мы у них отнимали.
Здесь места жестоких сражений,
здесь погибло товарищей много—
мимо кладбищ и разрушений
наша дорога.
Но мы раны почти залечили,
строим новые мы заводы,
воздвигаем дружным усилием
в год, на что уходили годы.

XX. МИЛЛИОННЫЙ ЛЕНИН

Все страшней становилась стужа,
все железнее сковывал воздух.
Люди кирками дружно
разбивали, как камень, воду.
И раскрылся ледяной город
в золотых колпаках и шпильях.
Дымы, вздымаясь хором,
в морозное небоплыли.
Воспаленное солнце светило спросонку,
висло сводом тяжелым небо;
земля стала чугунно-звонкой,
деревья—колоннадой медной.
Трепетали поблекшие знамена,
поседевшие черные полотна;
барабаны в воздухе плотном
гремели похоронно.

И когда они от вокзала
бежали Москвой вечерней,
в жгучем морозе звучали
и марш, и пенье уверенней.
Костенело в губах дыханье,
мозг был стиснут клещами,

и воздуха колыхание
было ледяными краями.
Раздалась дымно-сизая площадь
со стеной розовато-бурой.

Шли седые за лошадью лошадь
и люди в звериных шкурах.
Ревели гудки, грохотали орудья...
И сотни тысяч рабочих
им открыли великое чудо
страны льда и ночи:
Вот он кто, этот Ленин,—
не труп, пронесенный в пагоду,
под огни, засиявшие радугой,
а люди, проходившие с пеньем!
Площадь колыхалась рядами,
стужа под марш скрежетала,
плясало
костров клокотавшее пламя.
Вот он—Ленин Белайта!
Он принесет свободу
под этих песен раскаты
из стужи в зной всем народам.
Он—эти полмиллиона
бойцов закаленно-смелых,
в их руках свободы оборона,
в их руках рабочее дело.
С ними вместе, как за первым отрядом,
все рабочие люди Белайта,
задушившие черных гадов
и несущие свободу братьям.
Песнь их—клятва и призыв к бою:
Смыкайте ряды, смыкайте
по всему земному простору!
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Опустив торжественные знамена,
бесконечными рядами, под пенье
труб, гудков, орудийного грома,—
проходил миллионный Ленин.

